

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕСТРУКТИВНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье проведен анализ эволюции представлений о деструктивности как специфически человеческой форме активности, обусловленной сложным комплексом социокультурных факторов. Человеческая деструктивность рассматривается как социальное по своей природе поведение, программируемое, реализуемое и контролируемое под воздействием внешнесредовых факторов и с помощью механизмов культуры.

Ключевые слова: человеческая деструктивность, агрессия, девиантность, преступность, социокультурные факторы.

HUMAN DESTRUCTIVITY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

The evolution of notions on human destructivity is analyzed as a form of specific human activities stipulated by a complex set of sociocultural factors. Human destructive activity is regarded as social behavior programmed and implemented and controlled under the influence of outer environmental factors with the help of cultural mechanisms.

Keywords: human destructive activities, aggression, deviant activities, criminality, sociocultural factors.

Симпозиумы, конференции и научные исследования, посвященные разным аспектам проблемы агрессии и насилия, стали столь же яркой приметой научной жизни XX–XXI столетий, сколь ярким явлением является насилие в реальной жизни. Интерес в последнее время различных наук к исследованию феномена человеческой деструктивности и агрессии в целом обусловлен, с одной стороны, глобальностью разрушительных тенденций, масштабы которых угрожают существованию общества, а с другой — общим процессом гуманизации знания, повлекшим за собой повышение интереса к антропологической проблематике. Нынешний антропологический поворот в культурологии и философии, не знающий национальных и государственных границ, — свидетельство осознания угроз человеческому бытию и поиска путей спасения высшей и абсолютной ценности, имя которой — Человек. В результате этого человеческая деструктивность получает статус междисциплинарной категории, исследование которой способствует формированию целостного знания о природе человека и общества.

Одна из главных проблем в изучении деструктивного поведения человека заключается в том, что прикладных исследований по данному вопросу в науке не существует. Поэтому при анализе феномена человеческой деструктивности в основном опираются на работы, посвященные исследованию агрессии, преступности и различных форм девиантности, содержащих в себе разрушитель-

ный компонент, направленный либо вовне, либо на себя. Начиная с XX века ученые и мыслители, которые так или иначе пытались понять причины стремления людей к разрушению, рассматривали эту проблему в контексте агрессии, считая деструктивность одной из крайних форм ее проявления наряду с жестокостью и насилием. Человеческая деструктивность как специфическая форма агрессии не имеет филогенетических корней и проявляется в стремлении человека к разрушению либо внешних объектов и систем, либо самого себя [23].

Так как подобная форма поведения (разрушительная) является осознанной и свойственной, на наш взгляд, лишь человеку, то наиболее правильным будет ее оценивать в культурологическом ключе как культурный феномен. Культура есть сущностное выражение специфически человеческого, персонально осмысленного бытия. Не имея биологических различий, представители разных социальных групп отличаются друг от друга в культурном отношении, и именно это часто становится причиной распространности среди людей деструктивности, направленной против представителей иной культуры. Согласно социокультурным концепциям, человеческая деструктивность подчиняется социальным закономерностям, она зависит от времени и устройства общества, а следовательно, ее можно прогнозировать и в ряде случаев — ею управлять [6].

Предпосылки возникновения социально-детерминистских взглядов мы можем об-

---

наружить уже в философии античности (Аристотель), но наиболее ярко и точно эта идея была выражена мыслителями эпохи Нового времени и Просвещения. Так, Д. Локк, критикуя теорию врожденных идей и негативный подход Т. Гоббса к природе человека, считал очевидным, что при своем первом появлении на свет душа каждого человека есть белая бумага без всяких идей и знаний, в том числе и деструктивного характера. По мнению философа, естественным состоянием общества является не «война всех против всех», а атмосфера свободы, равенства, независимости, осознания взаимных обязанностей [14]. Опираясь на сенсуализм Д. Локка, Ф. Вольтер вслед за ним полагал, что в основе всех видов познания лежит опыт, который однозначно свидетельствует об общественной природе человека. Согласно Ж.-Ж. Руссо, природа создала человека «невинным», добрым, справедливым, а культура и цивилизация разрушили эти природные свойства в нем [19]. Другой видный представитель эпохи просвещения, К. Гельвеций, в целом хоть и не принимал руссоистской критики культуры, но также был уверен, что «люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть» [5, с. 90]. Философ считал, что по своим задаткам все люди равны и могли бы максимально развить свои способности, если бы воспитывались в благоприятных условиях. То есть для воспитания в человеке лучших душевных качеств следует изменить среду, общественный строй, в котором живет человек. Согласно Ш. Монтескье, на особенности поведения человека и формирование тех или иных черт характера огромное влияние оказывают такие факторы, как климат, величина и характер заселяемой территории, численность народонаселения, религия и тип правления [19]. В целом мыслители эпохи Просвещения видели причины деструктивного поведения в социальной неустроенности общества и в плохом воспитании граждан и предлагали законодателям

смягчить репрессии и уделять больше внимания предупредительным мерам.

Приблизительно тех же соображений придерживались и родоначальники социального утопизма (Т. Мор, Ж. Мелье, Э.-Г. Морелли), размышляя о преступности как проявлении человеческой деструктивности. Утописты видели возможность преодоления преступности в переустройстве общества на социалистических началах. Они призывали к ликвидации общества, основанного на господстве частной собственности, так как считали, что причина преступности лежит в неравенстве людей, которое является источником всех зол и порождает низменные чувства [24]. Такие последователи социального утопизма, как А. Сен-Симон, Ш. Фурье и Р. Оуэн, были убеждены в том, что преступность коренится в самой природе частнособственнического общества, основанного на эксплуатации и угнетении людей, и указывали на безрезультатность борьбы с преступностью с помощью одних лишь уголовных наказаний. Как и для просветителей, для социалистов-утопистов характерно то, что они не обвиняли самого человека, ставшего на преступный путь, а усматривали причины такого поведения в порочной организации общества, основанного на частной собственности и эксплуатации людей.

Под влиянием процессов индустриализации и урбанизации, начиная с конца XVIII в., особую актуальность в оценке причин деструктивного поведения приобретают экономические факторы — классовые противоречия в обществе, капиталистическая эксплуатация, нужда и нищета. Обычно экономические теории деструктивности в криминологии и социологии девиантности вполне обоснованно связывают с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно в их «Манифесте Коммунистической партии» [16, с. 419–459] были заложены основы экономического детерминизма, а преступность, равно как проституция, пьянство, бродяжничество и даже само-

---

убийства, выступала побочным продуктом экономических условий. К. Маркс утверждал, что способ производства материальной жизни определяет общий характер социальных, политических и духовных процессов. Когда способ производства материальной жизни приходит в противоречие с существующими производственными отношениями и отношениями собственности, люди в рамках такой системы оказываются поработанными [15, с. 513–518]. Изменение экономической основы общества приводит к изменению всей социальной надстройки. Таким образом, к социальному переустройству общества можно прийти путем изменения его экономической жизни. Между тем отдельные индивиды в рамках общества могут столкнуться с неадекватностью возможностей и различными дилеммами, что угрожает существующей системе ценностей. Одним из следствий такой ситуации может стать преступление. Не следует также забывать о весьма обширном эмпирическом исследовании положения рабочего класса в Англии, проделанном Ф. Энгельсом и содержащем огромный фактический материал, в том числе о преступности, пьянстве, самоубийстве как следствии условий жизни английских рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых стали использовать эмпирические данные в своих теоретических работах.

Последователем экономической теории является В. Бонгер, обосновывавший роль капиталистической экономической системы в генезисе преступности: «Преступность сосредоточена в низших слоях общества, поскольку законодатель криминализирует деяния, порожденные бедностью и нищетой» [3, с. 57–58]. Во многих западных странах в конце XIX — начале XX в. были проведены криминологические исследования, направленные на выявление зависимости между ценами на продукты питания и уровнем преступности. Так, по корреляции Г. Майера [22], увеличение на полпenny цены на рожь выразилось в рос-

те преступности на одну пятую на каждые 100 тыс. жителей. Соответственно снижение цен сопровождалось снижением преступности. В период с 1886 по 1902 г. ученые-экономисты Ч. Бут и С. Берт [22] провели в Лондоне подробное изучение экономических условий и обнаружили, что приблизительно 56% делинквентов (правонарушителей) — выходцы из четырех более низких в экономическом отношении классов, к которым принадлежат 37% всего населения. В результате исследователи пришли к выводу, что делинквенты обычно происходят из более низких социально-экономических классов. Примечателен тот факт, что имущественные преступления растут в периоды экономических спадов, а преступления против личности — в периоды процветания, хотя уровень преступности в целом остается относительно стабильным. Вместе с тем социологи того времени, выявив связь между социально-экономическими условиями существования общества и социальными отклонениями, не смогли до конца дифференцировать и объяснить природу этих отклонений.

Начиная с середины XIX века, с развитием социологии и криминологии, различные проявления человеческой деструктивности стали изучаться в рамках девиантного (отклоняющегося) поведения в контексте общественных процессов и норм, утвержденных внутри данного общества. Принципиально важно то, что такие формы отклоняющегося поведения, как преступность, самоубийство, наркомания, алкоголизм, имеют общее свойство, которое является критерием принадлежности к группе девиаций. Таким существенным признаком является деструктивность. Действительно, девиантное поведение в целом приводит к разрушению чего-либо (здоровья, отношений, личности, общественного порядка) и даже — к прерыванию самой жизни.

Опираясь на статистические данные, социологи приходят к мнению, что число

аномалий в поведении людей всякий раз неизбежно возрастало в период войн, экономических кризисов, социальных потрясений, что, в свою очередь, опровергает теорию «врожденного» преступника, указывая на социальные корни этого явления [9]. Если для Ч. Ломброзо «преступниками рождаются», то для А. Кетле «преступниками не рождаются, ими становятся». Становятся — под влиянием социальных условий, социальных факторов. По А. Кетле, «общество заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно... подготавливает преступление, а преступник есть только орудие» [10, с. 5]. К факторам, влияющим на совершение преступлений, А. Кетле относит демографические, социальные (профессия, образование), природные (климат, сезонность). Основные идеи А. Кетле, которые в той или иной степени разделяют и развивают все представители социологического направления, сводятся к следующему: 1) преступность порождена обществом; 2) она развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов; 3) ей присуща статистическая устойчивость; 4) повлиять на преступность (с целью сокращения) можно только путем изменения (улучшения) социальных условий. По мнению Ю. Г. Волкова и В. С. Поликарпова, «только в обществе, где нет кастовых перегородок, монополии на материальные и духовные блага и власть, где не порождается чувство бессилия и бесперспективности человека, могут быть сведены к минимуму различного рода социальные патологии — преступность, наркомания, алкоголизм, проституция, национализм, фанатизм и прочие ипостаси зла» [4, с. 59].

Французский исследователь Г. Тард отметил, что «если бы главной причиной преступности были физиологические аномалии преступников, то количество преступлений всегда оставалось бы неизмен-

ным, в то время как цифра преступности колеблется в зависимости от социальных условий» [21, с. 197]. По мнению Г. Тарда, основой развития общества выступает социально-коммуникационная деятельность индивидов в форме подражания (имитации). По сути, он трактовал преступность как процесс подражания, понимал под ним элементарное копирование и повторение одними людьми поведения других. Его соотечественник криминолог А. Лакассань сравнивал преступников с микробами, которые всегда есть в любом здоровом организме, и если организм силен, то он не дает им отрицательно проявить себя, — поэтому истоки преступности следует искать в больном общественном организме. Выступая в 1885 г. на I Международном конгрессе антропологов в Риме, А. Лакассань произнес знаменитую фразу, ставшую формулой: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает» [25, с. 201]. Позднее, воспроизводя ее, Г. Манхейм добавил: «Каждое общество обладает таким типом преступности и преступников, которые соответствуют его культурным, моральным, социальным, религиозным и экономическим условиям» [25, с. 201].

Родоначальником социологии девиантного поведения по праву считается французский социолог Э. Дюркгейм. Он подчеркивал необходимость объяснения различных форм социальной патологии именно как общественных явлений. Например, количество самоубийств зависит не столько от внутренних свойств индивида, сколько от внешних причин, управляющих людьми [8]. Для объяснения социальных девиаций Э. Дюркгейм предложил концепцию «аномии» (в переводе с французского — *отсутствие закона, организации*). Аномия — это состояние социальной дезорганизации (социального вакуума), когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. В таком обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая

«нормальный» для данного общества уровень. Ученый настолько не сомневался в объективной природе социальных отклонений, что утверждал «нормальность» преступности. По его мнению, нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорными признаками нормального явления, ибо «преступления наблюдаются во всех обществах всех типов... преступность не снижается по мере развития человечества» [7, с. 86]. В целом Э. Дюркгейм рассматривал социальные отклонения преимущественно как следствие нормативно-ценностной дезинтеграции общества. Его идеи получили дальнейшее развитие в работах исследователей, признающих в качестве ведущих причин девиантного поведения противоречия между классами и различными социальными силами, например новаторскими и консервативными.

Один из наиболее ярких последователей Э. Дюркгейма Р. Мертон также считал различные проявления девиантности закономерным порождением социальных условий: «Мы исходим из предположения, что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникшую ситуацию» [18, с. 299]. Так, в современном обществе богатство выступает признанным всеобщим символом успеха, и люди поэтому стремятся к нему. Но часть населения живет в зонах трущоб, при ограниченных социальных возможностях («напряжение»). При этом возрастает жесткость классовой структуры, сокращается возможность легально изменить социальный статус в сторону его повышения. А ведь именно классовая структура обуславливает неравенство возможностей, различия в доступе к ценностям общества. Поэтому отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями (к успеху, богат-

ству) и социально организованными средствами их удовлетворения. «Обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств становится все более обычным, когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели достижения успеха, расходится с координированным институциональным значением средств» [18, с. 302]. Требования культуры, предъявляемые к конкретному лицу, оказываются несовместимыми. С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой — ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Результатом такой структурной непоследовательности являются следующие пути адаптации: либо конформизм, ретризм и ритуализм, либо «бунт» — формирование психопатической личности, антисоциальное поведение и революционная деятельность. Таким образом, конфликт между целями и средствами их достижения может привести к аномическому напряжению, к фрустрации и к поиску незаконных способов адаптации.

Т. Парсонс [20] расширил типологию аномических приспособлений и девиантного поведения Р. Мертона. По мнению Т. Парсонса, главные социологические причины девиаций — это различия между участниками социального взаимодействия и невыполнение ожиданий. Поведение подростков и молодежи ученый рассматривал в свете понятия аномии — состояния, в котором ценности и нормы не являются более ясными указателями должного поведения или теряют свою значимость. Этой причиной объясняется несостоятельность системы ценностей, где центральное место занимает личный успех. В таком обществе растет структурная дифференциация, что ведет к конфликтам и к девиантному поведению.

Другими социокультурными факторами деструктивного поведения могут послу-

---

жить влияние норм девиантной субкультуры и обучение. Теория субкультур [12] возникла в результате исследований подростковой преступности и гангстеризма (бандитизма). В значительной степени эта концепция исходила из теорий аномии и напряжения, подчеркивая значение конфликта между ценностями и целями «большого общества», а точнее, среднего класса и возможностями подростков из низших слоев достичь этих целей. На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими ценностями, целями и нормами. «Делинквентная субкультура привлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку. По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры» [12, с. 318]. По А. Коэну, делинквентная субкультура как протестная по отношению к культуре общества отличается неутилитарным, злым и негативистским характером. «Здесь явно присутствует элемент злоумышленности, удовольствия от причинения беспокойства другим, восторг от самого факта отвержения различных табу» [12, с. 317]. Р. Клаурд и Л. Оулин также исходят из того, что «лица, занимающие различные положения в социальной структуре, не имеют равных шансов на успех» [11, с. 335]. Они различают и описывают три разновидности подростковой субкультуры: преступную, конфликтную и ретристскую. Так, личность, с раннего детства помещенная в девиантную субкультуру (криминальную, конфликтную или ретристскую), с большой вероятностью будет проявлять соответствующие формы девиантного поведения. Хорошо известно, что личность всегда включена в какую-либо социальную группу. В ряде случаев групповые потребности доминируют — быть включенным в группу, следовать ее нормам, подражать ее участникам, противо-

поставлять себя другим группам. На этой почве вырастают самые разнообразные субкультуры — аристократическая элита, хиппи, металлисты, рокеры, геи, скинхеды и т. д. Люди склонны идентифицироваться с групповыми лидерами и с их идеалами (в том числе деструктивными), что во многом объясняет существование таких массовых девиаций, как геноцид, расизм, фашизм.

С точки зрения теории «дифференцированной ассоциации» [13] определенным поведенческим формам — как законопослушным, так и девиантным — обучаются, взаимодействуя с другими людьми в процессе общения. Обычно это происходит в группах между людьми, связанными какими-то личными отношениями. Основной причиной образования дифференцированных связей (ассоциаций) служит конфликт культур, а главной причиной систематического девиантного поведения — социальная дезорганизация. «Когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения... Они становятся преступниками в силу переизбытка у них подобного рода связей» [13, с. 91–92]. Теория дифференцированной ассоциации была одна из наиболее плодотворных для своего времени. Она позволяла объяснить как «обычную», «уличную» преступность, так и беловоротничковую (криминальных действий и махинаций в сфере бизнеса), но не могла ответить на главные вопросы — почему люди имеют те связи, которые у них есть; как объяснить происхождение преступности и девиантности.

Наряду с рассмотренными объективными социокультурными факторами действуют и так называемые субъективные причины деструктивного поведения. Г. Беккер в своей книге «Аутсайдеры» (1963) произнес фразу, ставшую знаменитой: «Девиант тот, кому был прикреплен соответствующий

ярлык (label); девиантное поведение — это поведение, которое люди так обозначили» [2, с. 23]. В соответствии с теорией стигматизации (клеймения) Г. Беккера, девиации — следствие того, что само общество (вернее, социальная группа) наклеивает на личность соответствующие ярлыки путем соотнесения действий конкретного человека с абстрактными правилами (первичная девиантность). Постепенно формируется репутация, которая вынуждает индивида придерживаться девиантной роли (вторичная девиантность). Вторичная девиантность развивается после клеймения и как реакция на него. В полном соответствии с идеями Г. Беккера, девиант становится таковым лишь тогда, когда его таким признало общество. Известный немецкий социолог и криминолог XX века Ф. Зак [27] отметил, что подавляющее большинство взрослого населения современного общества хоть раз в жизни совершает преступление (с точки зрения действующего уголовного закона). Но лишь официальное признание того, что человек совершил преступление, делает его преступником. Будучи раз стигматизирован как преступник, человек продолжает вести себя соответствующим образом. В целом теория стигматизации вскрывает существенный пласт взаимоотношений преступника и общества. Страдая, как всякая теория, известной односторонностью, она заставляет задуматься над тем, всегда ли официальная санкция за первое или незначительное правонарушение есть благо.

Наконец, субъективной причиной отклоняющегося поведения может стать отношение самой личности (группы) к социальным нормам [17]. Например, чтобы освободиться от моральных требований и оправдать себя, человек может «нейтрализовать» действие норм следующими способами: ссылаться на высшие понятия (дружбу, преданность группе); отрицать наличие жертвы; оправдывать свое поведение девиантностью жертвы или провокацией с ее

стороны; отрицать свою ответственность; отрицать вред своего поведения. Кроме того, по мнению Д. Матза, молодой человек из низших слоев имеет возможность лавировать, «дрейфовать» (отсюда — концепция «дрейфа») между различными социальными нормами, осуждающими и допускающими те или иные формы поведения. Большинство делинквентов, став взрослыми, перестают «дрейфовать», переходя ко вполне конформному поведению [17, с. 68–71].

Следует обратить внимание на то, что некоторые рассматриваемые нами положения криминологов и социологов составляют ядро социопсихологических концепций агрессии XX века, основанных на бихевиоризме (Д. Уотсон, Б. Скиннер). Так, «когнитивная модель агрессии» [30, р. 51–64], как и берущая свое начало в символическом интеракционизме теория стигматизации, опираются на способность людей квалифицировать (интерпретировать, трактовать) действия, поступки, поведение других. При анализе агрессивного поведения следует учитывать эмоциональные и познавательные процессы, так как характер осмысления (интерпретации) индивидом каких-либо событий, а также чувства, испытанные им впоследствии, во многом определяют степень агрессивной реакции. Вероятность возникновения агрессивной реакции зависит от индивидуальных особенностей когнитивной обработки социокультурной информации, предшествующей поведению, что отражается в формировании различных когнитивных схем и сценариев (теория «культурных схем» Э. Уоллеса) [29], управляющих проявлением агрессии. Сценарии приобретаются как непосредственно, через столкновение с соответствующими ситуациями, так и косвенно, через викарный опыт [26, р. 3–11]. Всем сценариям свойственна нормативная убежденность индивидов в приемлемости данной реакции в конкретной ситуации. Единственный способ контроля и устранения

агрессии — выработка конструктивных или неагрессивных когнитивных схем и сценариев в провоцирующих обстоятельствах. В свою очередь, криминологические концепции Г. Тарда, Э. Сатерленда и Д. Кресси нередко рассматриваются в социальной психологии агрессии как «теория научения» А. Бандуры [1], в которой агрессия рассматривается как общественное явление, а именно, как форма поведения, усвоенного в процессе социального научения. Другими словами, согласно социопсихологическим концепциям, человеческая агрессия — это приобретенная, сложная поведенческая реакция, усваиваемая в течение жизни и обусловленная множеством внешнесредовых факторов, которая, как и любое другое социальное поведение, поддается контролю и коррекции.

В целом все рассмотренные нами в теории культуры социологизаторские концепции агрессии трактуют человеческую деструктивность как результат социокультурных процессов, сложных взаимоотношений между обществом и конкретной личностью. С одной стороны, мы видим, что в самом обществе имеются серьезные причины для отклоняющегося поведения, например социальная дезорганизация и социальное неравенство. С другой стороны, мы закономерно приходим к пониманию роли индивидуальности конкретного человека в процессе социализации его личности. Социологические теории не объясня-

ют, почему в одних и тех же социокультурных условиях различные люди демонстрируют принципиально разное поведение, например, далеко не все представители беднейших слоев проявляют делинквентность, и наоборот.

Следует признать, что социокультурные условия действительно могут определять характер деструкций (масштаб распространения данных явлений в обществе или в социальной группе), но их оказывается явно недостаточно для объяснения причин и механизмов деструктивного поведения конкретной личности. Биометрические характеристики и внешняя искусственная среда не являются альтернативными категориями и не исключают друг друга, но находятся в постоянном взаимодействии в бытии человека. Природные задатки создают предпосылки для развития способностей, но реализация этих способностей возможна лишь в определенных социокультурных условиях. Необходимо четко осознавать, что биологическое и социокультурное взаимообусловлены и в целом не ограничивают свободный ценностный выбор человека, для которого не меньшее значение имеют специфически человеческие экзистенциальные, духовные потребности и переживания, выражающиеся в стремлении к любви, к безопасности, к признанию, к свободе, к творчеству, к труду, к самоактуализации и к поиску достойного смысла жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
2. Беккер Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков». Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
3. Бонгер В. Бродяжничество и нищенство // Уголовное право и социализм. М., 1908.
4. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек как космопланетарный феномен. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1993.
5. Гельвеций К. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М.: Соцэкгиз, 1938.
6. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
9. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). М.: Издательский центр «Академия», 2004.

10. *Кетле А.* Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965.
11. *Клауорд Р., Оулин Л.* Дифференциация субкультуры // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
12. *Коэн А.* Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
13. *Кресси Д.* Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
14. *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1.
15. *Маркс К.* Население, преступность и пауперизм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4.
17. *Матза Д., Сайкс Г.* Метод нейтрализации. Теория делинквентности // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей. М.: Прогресс, 1966.
18. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Издательство «Прогресс», 1966.
19. *Огурцов А. П.* Философия науки эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993.
20. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002.
21. *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М.: ИНФРА-М, 2004.
22. *Фокс В.* Введение в криминологию. М.: Изд-во «Прогресс», 1985.
23. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ\$ Хранитель, 2007.
24. *Чаликова В.* Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
25. *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология. М.: Юридат, 1971.
26. *Eron L.* Theories of aggression: From drives to cognitions. New York: Plenum Press, 1994.
27. *Sack F.* Neue Perspektiven in der Kriminologie // Kriminal-soziologie. Wisbaden, 1968.
28. *Sutherland E.* Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960.
29. *Wallace A.* Culture and Personality. New York: Random House, 1960.
30. *Zillmann D.* Cognitive-excitation interdependencies in aggressive behavior // Aggressive Behavior. 1988. № 14.

REFERENCES

1. *Bandura A.* Teorija social'nogo nauchenija. SPb.: Evrazija, 2000.
2. *Bekker G.* Deviantnost' kak sledstvie «nakleivanija jarlykov». Kazan': Izd-vo Kaz. un-ta, 2001.
3. *Bonger V.* Brodjazhnichestvo i nishchenstvo // Ugolovnoe pravo i socializm. M., 1908.
4. *Volkov Ju. G., Polikarpov V. S.* Chelovek kak kosmoplanetarnyj fenomen. Rostov n/D: Izd-vo RGU, 1993.
5. *Gel'vecij K.* O cheloveke, ego umstvennyh sposobnostjah i ego vospitanii. M.: Socjkgiz, 1938.
6. *Gilinskij Ja. I.* Deviantologija: sociologija prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». SPb.: Izd-vo «Juridicheskij centr Press», 2004.
7. *Djurkgejm Je.* Sociologija. Jeje predmet, metod, prednaznachenie. M.: Kanon, 1995.
8. *Djurkgejm Je.* Samoubijstvo: Sociologicheskij etjud. M.: Mysl', 1994.
9. *Zmanovskaja E. V.* Deviantologija: (Psihologija otklonjajushchegosja povedenija). M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004.
10. *Kettle A.* Chelovek, razvitie ego sposobnostej ili opyt social'noj fiziki. Kiev, 1965.
11. *Klauord R., Oulin L.* Differenciacija subkul'tury // Sociologija prestupnosti. M.: Progress, 1966.
12. *Kojen A.* Soderzhanie delinkventnoj subkul'tury // Sociologija prestupnosti. M.: Progress, 1966.
13. *Krjessi D.* Razvitie teorii. Teorija differencirovannoj svjazi // Sociologija prestupnosti. M.: Progress, 1966.
14. *Lokk Dzh.* Soch.: V 3 t. M.: Mysl', 1985. Т. 1.
15. *Marks K.* Naselenie, prestupnost' i pauperizm: Sochinenija. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. Т. 13.

-
16. *Marks K., JEngel's. F.* Manifest kommunisticheskoj partii: Sochinenija. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. T. 4.
  17. *Matza D., Sajks G.* Metod nejtralizacii. Teorija delinkventnosti // Sociologija prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii: Sbornik statej. M.: Progress, 1966.
  18. *Merton R.* Social'naja struktura i anomija // Sociologija prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii). M.: Izdatel'stvo «Progress», 1966.
  19. *Ogurcov A. P.* Filosofija nauki epohi Prosveshchenija. M.: Nauka, 1993.
  20. *Parsons T.* O strukture social'nogo dejstvija. M.: Akademicheskij proekt, 2002.
  21. *Tard G.* Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naja prestupnost'. Prestuplenija tolpy. M.: INFRA-M, 2004.
  22. *Foks V.* Vvedenie v kriminologiju. M.: Izd-vo «Progress», 1985.
  23. *Fromm Je.* Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M.: AST; Hranitel", 2007.
  24. *Chalikova V.* Utopija i utopicheskoe myshlenie: Antologija zarubezhnoj literatury. M.: Progress, 1991.
  25. *Jakovlev A. M.* Prestupnost' i social'naja psihologija. M.: Jurizdat, 1971.
  26. *Eron L.* Theories of aggression: From drives to cognitions. New York: Plenum Press, 1994.
  27. *Sack F.* Neue Perspektiven in der Kriminologie // Kriminal-soziologie. Wisbaden, 1968.
  28. *Sutherland E.* Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960.
  29. *Wallace A.* Culture and Personality. New York: Random House, 1960.
  30. *Zillmann D.* Cognitive-excitation interdependencies in aggressive behavior // Aggressive Behavior. 1988. № 14.